

НА ИНДІЮ ПРИ ПЕТРЪ І

ПОТЕМКИНЪ НА ДУНАЪ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

ПОЛНОЕ, НОВОЕ, ЧЕТВЕРТОЕ (1884 ГОДА) ДОПОЛНЕННОЕ
ИЗДАНИЕ (6 ТОМОВЪ — 2,490 СТРАН.):

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

Романы и повѣсти: Мировичъ, Княжна Тараканова, Потемкинъ на Дунаѣ, На Индію при Петрѣ I, Последніе Запорожцы, 825-й годъ, Бѣглые въ Новороссіи, Воля, Новыя мѣста, Девятый валъ, Маляръ, Феничка, Бѣглый Лаврушка за границей, Семейная хроника, Четыре времени года охоты, Сорокопановка, Украинскія сказки, Переводы изъ Шекспира—Ричардъ III и Цимбелинъ, Украинская старина, и пр.

Цѣна за 6 томовъ — 6 руб., пересылка — за 8 фунтовъ.
Обычная уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ.
Складъ изданія — Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. островъ, 2 л., д. 7, и книжный магазинъ Новаго Времени, Спб., Невскій проспектъ.—*Лица, обращающіеся къ автору (Спб., Невскій, д. № 69—1, кв. 5), за пересылку не платятъ.*

Danilevskii

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ

Istoricheskie romany

НА ИНДЮ ПРИ ПЕТРЪ I

ПОТЕМКИНЪ НА ДУНАЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ РОМАНЫ

Издаіе А. С. Суворина

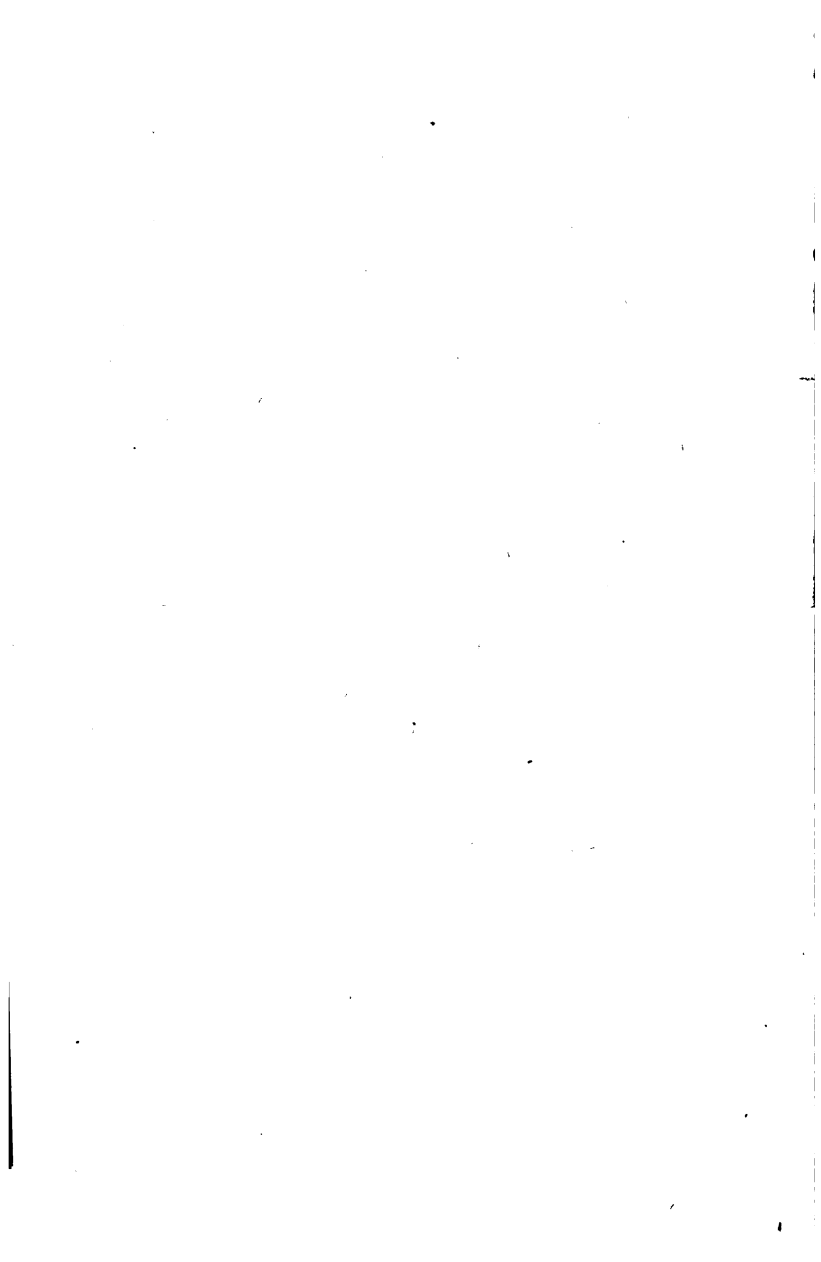

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

НА ИНДІЮ ПРИ ПЕТРЪ І

1717—1721

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

„Вхаты тебѣ къ хивинскому хану и въ Индію къ Моголу... Для сего дать четыре тысячи солдатъ, судовъ и казаковъ. Все то сдѣлать... а въ газардѣ не входить“.

Приказъ Петра I-го Бекевичу.

I.

Парижскіе гардемарины.

Въ числѣ молодыхъ русскихъ людей, изучавшихъ въ началѣ XVIII вѣка морское дѣло въ Парижѣ, были, между прочими, москвичи, Текутьевъ и Касаткинъ, и сынъ зажиточнаго астраханскаго дворянина, Юрловъ.

Они жили дружно и обучались не безъ успѣха, хотя, вырвавшись на волю, веселились во всю молодую душу, мотая послѣдній рубль и входя въ долги по уши.

Въ исходѣ 1716 года, эту колонію заморскихъ учениковъ смутила неожиданная вѣсть, что государь Петръ, затѣвая походъ на Индію, намѣренъ вскорѣ посѣтить Голландію, а быть можетъ пріѣхать и въ Парижъ, гдѣ предполагать сдѣлать гардемаринамъ испытаніе въ наукахъ и смотрѣ.

Парижскимъ агентомъ царя въ то время состоялъ сынъ его стараго учителя «всешутѣйшаго князь-папы» Никиты Моисеевича Зотова, Кононъ Никитичъ.

Онъ былъ посланъ за море, десять лѣтъ назадъ, а именно въ 1706 году, въ числѣ двухсотъ другихъ, взрослыхъ и въ большинствѣ женатыхъ волонтеровъ-недорослей, для «добродотнаго и съ понужденіемъ «изученія солдатскаго артикула, кумпаса, метанія бомбъ, морскаго хожденія и рисованія мачтаповъ и картъ». Комнатные спальники, боярскіе дѣти и провинціальныя дворяне, проходя заморскую науку, сперва именовались навигаторами, потомъ получили названіе гардемариновъ. Кононъ Зотовъ, ранѣе окончивъ ученіе, успѣлъ побывать въ Англіи, Португаліи и Цареградѣ. Послѣ его про-

изводства въ лейтенанты, всешутѣйшій «Магнусъ Наклеванги», его отецъ, хотѣлъ оставить сына въ Россіи, гдѣ располагалъ его женить.

Чужіе вольные края, однако, не на шутку плѣнили сына князь-папы. Родина и предстоявшая семейная жизнь, съ служебными занятіями въ новой петербургской гавани, показались ему скучны. Онъ сталъ вторично проситься за море, чѣмъ весьма огорчилъ отца, но зато отиѣнно обрадовалъ царя.

Конона снабдили наставленіями, и онъ былъ снова посланъ во Францію, гдѣ ему поручили надзоръ за новобранцами, проходившими науку въ морскихъ школахъ Людовика XIV-го, въ Парижѣ, а также въ Марсели, Брестѣ и Тулонѣ.

Впечатлительный, живой, добродушный и легкомысленный Кононъ Зотовъ усердно взялся за выполненіе различныхъ порученій неугомоннаго непосѣды-царя. Онъ подробно, съ 1710 по 1716 г., ему доносилъ, черезъ кабинетъ секретарей и въ откровенныхъ, личныхъ посланіяхъ, объ успѣхахъ и поведеніи ввѣренныхъ гардемаринъ; приговаривалъ на русскую службу подходящихъ, добрыхъ ремесленниковъ, матросовъ

и прочихъ нарочито-опытныхъ французовъ; давалъ государю совѣты по части торговли юфтью, воскомъ и паюсной икрой; прискивалъ ему въ теплицы пробковыя и лавровыя деревья, не выше двухъ футовъ ростомъ; переводилъ на славянскій штиль, «за ихъ штилемъ не гоняясь», техническія «нужныя ко флоту» книги; покупалъ и отсылалъ въ Петербургъ канаты, якоря, лѣчебныя снадобья, подростковъ-крокодиловъ, попугаевъ, обезьянъ и прочія диковинки заморскихъ краевъ.

Кононъ хлопоталъ и о дальнѣйшей присылкѣ за море лучшихъ недорослей-латинистовъ и математиковъ—какъ онъ выражался—«изъ средней статьи людей»—«не изъ подлыхъ, ниже изъ породныхъ»—«для того, что вездѣ породные презираютъ труды».

Донесенія Зотова о порученныхъ ему гардемаринахъ радовали царя. Ученики, по словамъ блюстителя, успѣшно проходили навигацію, пушкарное и ружейное мастерство, учились астрономіи, ѣздѣ на лошадахъ, танцованію, знанію приличій, биться на шпагахъ и рисовать.

Одно огорчало Зотова: скудость въ деньгахъ на содержаніе учениковъ.

Зная расчётливость скупого на мелочи жизни царя, Кононъ, еще съ 1712 года, осторожно, обвиняками, «для сбереженія репутаціи російскихъ знатныхъ сыновъ», сталъ увѣдомлять государя, что «признаваемые всею Европою за добрыхъ кавалеровъ» ученики терпятъ непосильную нужду, вдаются въ большіе, неоплаченные долги, а черезъ то ихъ не токмо тягаютъ въ полицейскія расправы и по судамъ, но даже заключаютъ, до уплаты долга, въ тюрьму. «Займодавцы — презестокій и гнусный народъ» — писалъ Зотовъ изъ Парижа: «тѣснятъ учащихся, штрафуютъ и отнимаютъ у нихъ шпаги». — «Умилосердись, надѣжа-государь; вонми нуждишкамъ твоихъ ребятъ. Зѣло скупаются твои министры, да на добро-ль? Молодежь она хорошая, иногда грѣхомъ и пошалить. Казна хоть и не моего ума дѣло, — да какъ умолчу?»

Царя, однако, трудно было провести. Онъ угадывалъ главную причину «скудостей» въ обиходѣ заморскихъ учениковъ. Ему было вѣдомо, что нѣкоторымъ изъ нихъ богатые отцы и ма-

тери слали тайныя, щедрыя пособія, въ добавокъ къ содержанію отъ казны.

«Балуются господа твои гардемарины» — отвѣчалъ царь Зотову: — «плохо смотришь занима. Чай, Ивашкѣ Хмѣльницкому, сирѣчь, по вашему, по заморски, богу Бахусу, весьма усердно служатъ, да и Вѣнусъ, прекрасная богиня, знать, не безъ частыхъ и обильныхъ жертвъ»... «Пріѣду, увижу; экзаментомъ вѣдь не пошучу. Гляди на обученнаго Бековича — гдѣ онъ ни полезетъ? И на Кубани, и за Каспіемъ, и объ Индіи предлагаетъ... А мы объ Индіи зѣло помышляемъ!»

Зотовъ задумался объ Индіи: «и впрямь царь снаряжаетъ туда походъ... отрядить, пожалуй, и его съ учениками».

«Не гинпокритскимъ языкомъ, истинно говорю» — написалъ Кононъ государю, спустя нѣкоторое время: — «лучше перебить подростковъ, что поросятъ, а не оставлять въ гладѣ и хладѣ. Прости, что такъ открыто и просто написано. А что до Бахуса и до прелестныя Вѣнусъ, то вашему величеству перенесено невѣрно и черезъ край, въ чемъ животомъ ручаюсь, — отъ вѣрнаго сердца писавый, — Зотовъ».

Царь отвѣтилъ: «Ой, насквозь вижу, Кононъ, тебя и твоихъ шатуновъ. Мало вразумляешь и коришь, оттого и долги. Нужная вамъ казна, — тысяча ефимки, — довышлетъ черезъ банкира, сіи-жъ дни; а пробѣлы въ муштрѣ и добромъ поведеніи школяровъ, какъ повидимся, Кононъ, допишу — только не на бумагѣ...»

Денежная помощь подросткамъ была выслана. Петръ придумалъ и особую мѣру.

Осенью, 1713 года, онъ далъ указъ сенату, черезъ князя Якова Долгорукова: «Ко обрѣтающимся въ обученіи за моремъ гардемаринамъ, кои на родинѣ были женаты, безотложно послать изъ Россіи ихъ женъ».

При этомъ государь посовѣтовалъ и родичу Зотова, отцу гардемарина Текутьева, препроводить къ сыну невестку въ Парижъ. — «Твой молодожёнъ, хоть и безъ мутьянства» — сказалъ царь при этомъ Текутьеву: — «по хозяйка во всякомъ разѣ дать порядокъ какъ домашнему нраву, такъ и статскимъ дѣламъ».

Была, впрочемъ, и другая причина отсылки въ Парижъ жены гардемарина Текутьева.

Въ подмосковной его отца проживала, воспи-

танная съ его женой и съ младшей сестрой, сирота, именемъ Дуня.

Дунѣ въ то время, когда состоялся названный царскій указъ сенату, было около пятнадцати лѣтъ. Ея происхожденіе хранилось отъ всѣхъ въ тайнѣ. Называли ее просто Дуняша-сирота. Но всѣ знали, что въ ея судьбѣ принималъ особое участіе самъ царь.

Сперва дѣвочка жила въ семьѣ одного иностраннаго ремесленника въ Москвѣ, на Нѣмецкой слободѣ; потомъ состояла при комнатахъ пріятельницъ царскаго любимца, Меншикова, дѣвицъ Дашки да Варьки Арсеньевыхъ, гдѣ пользовалась расположеніемъ и ихъ тогдашней сожительницы, Екатерины Трубачёвой, впоследствии супруги государя, императрицы Екатерины Первой. Послѣ брака Меншикова съ Дарьей Арсеньевой, сироту держали въ хоромѣхъ Данилыча. А когда дворъ окончательно переѣхалъ въ Петербургъ, подроставшую Дуню помѣстили въ московскомъ домѣ, потомъ въ подмосковной Текутьевыхъ, куда къ ней приставили, для обученія грамотѣ и шитью, заѣзжую иноземку-няню.

Московскія сплетницы передавали за вѣрное, что Дуня — дочь Меншикова, прижитая Данилычемъ до его брака съ Дарьей Арсеньевой. Другіе толковали, что она духовнаго происхожденія, чуть ли не дочь знаменитаго церковнаго вѣтїи, архіепископа Стефана Яворскаго и жены какого-то польскаго магната. Третьи шли еще далѣе: съ оглядкой и шопотомъ, сообщали, что рожденіе Дуни совпадаетъ съ однимъ изъ амурныхъ походовъ въ Нѣмецкой слободѣ самого Петра, что она тайная дочь царя.

Одинъ Петръ зналъ истинное происхожденіе Дуни и, по особой причинѣ, держалъ это въ секретѣ отъ всѣхъ, кромѣ двухъ-трехъ ближайшихъ слугъ, въ томъ числѣ Меншикова. Черезъ нихъ онъ слѣдилъ за сиротою, руководилъ ея воспитаніемъ и, какъ знали Данилычъ и старикъ Зотовъ, держалъ на ея имя, гдѣ-то въ иностранномъ банкѣ, не малую сумму денегъ, собранную изъ сбереженій, нѣбѣдко скудной, собственной своей казны.

Дуня въ дѣтствѣ часто видѣла Петра у Арсеньевыхъ и у Меншикова. Государь бралъ на колѣни рѣзвую, коротко-остриженную, веселую